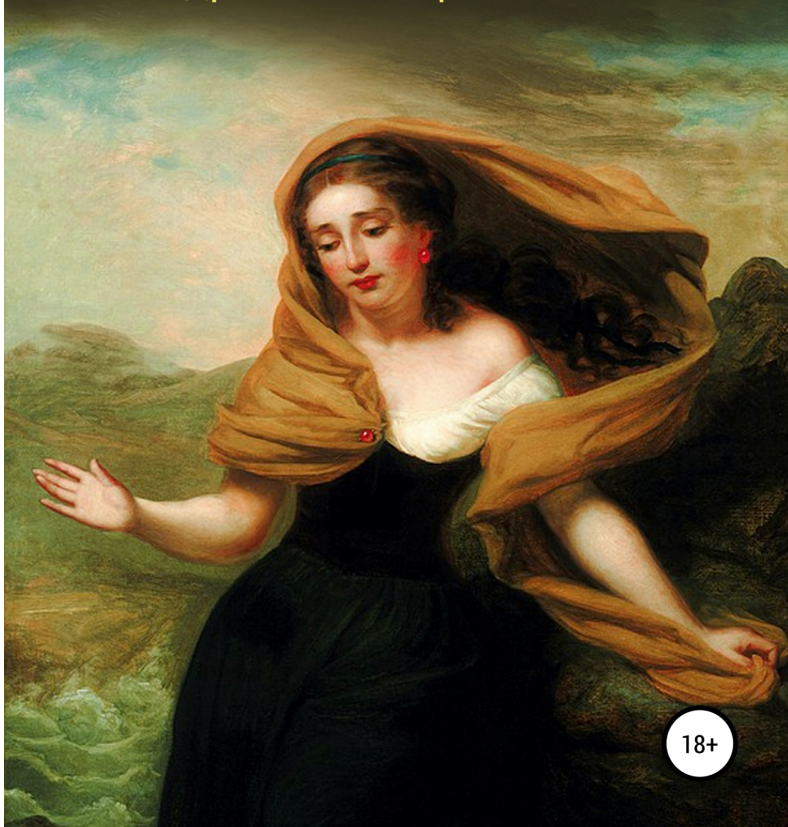

АРИСТАРХ БАРВИХИН

Торькое счастье

Мелодрама из старинной жизни

18+

Аристарх Барвихин

Горькое счастье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63571232

SelfPub; 2021

Аннотация

Россия, вторая половина 19 века. Совсем еще юный граф Николай Закревский, живущий в имении своих родственников, влюбляется во взрослую женщину Ольгу Одинцову. Не смотря на разницу в возрасте, между ними возникает глубокое, яркое и сильное взаимное чувство. Однако по воле судьбы граф вынужден уехать обратно в Петербург. Спустя много лет после расставания с любимой он возвращается в те же места, желая восстановить старое имение и прожить в нем остаток жизни, не подозревая, что влюбится снова...

Содержание

Вступление.	5
Часть первая. 1860 год. Ольга Одинцова.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Аристарх Барвихин

Горькое счастье

Мелодрама из старинной жизни

Пусть скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О, ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Федор Тютчев «Последняя любовь»

Вступление.

Весна с большими разливами и густой травой подходила к концу. И строгая зима, и сама весна с тихой, ясной погодой говорили, что урожай будет хорош. Повсюду кончались весенние работы. Народ отпахался, отсеялся, и наступило сравнительно беззаботное время отдыха от полевых забот. Природа нежилась под лучами теплого солнца и готовилась к встрече лета. Особенно хорошо становилось на душе под закат, когда поля так и отливали молодой, сочной, яркой зеленью посевов.

Но эта полная важных мирских забот жизнь была там, снаружи монастырских стен. А здесь, в маленькой келье, куда едва пробивалась теплое весеннее солнце, было тихо, полутемно и спокойно.

Низкая дверь в келью отворилась, и в нее вошел, нагнувшись чтобы не задеть о верхний край дверного проема, монах в черной длинной мантии с наперстным золотым крестом поверх ее. Он перекрестился на висящие в углу кельи иконы и сел в выдавшее виды кресло у стены. Некоторое время он сидел, уронив на колени руки. Высокий лоб его перерезывался чёрным клобуком, из-под которого по обе стороны падали длинные пряди волнистых, густых, но уже изрядно поседевших волос. Его серые, большие глаза глядели спокойно, только в глубине их лежала едва уловимая затаённая

печаль.

Служба закончилась совсем недавно, и пришло время, когда надо было приступить к приему посетителей монастыря, со всех краев стекавшихся к нему, игумену монастыря Иллариону, дабы услышать из его уст слова утешения и правды...

Монах этот был никто иной, как граф Николай Петрович Закревский. Немало времени прошло с тех пор, когда он впервые попал под своды этого монастыря. Трудный путь пришлось ему пройти от простого трудника и послушника до знаменитого игумена и духовника. Сменилась не только прежняя жизнь его, но и имя его нынче стало Илларион, сменилось платье с мирского на монашеское, отросла и поседела борода... сам же он стал известен своей мудрой участливостью далеко за пределами монастырских стен, со всех сторон потянулись к нему люди...

Спустя некоторое время снаружи кельи раздался голос:

– Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй нас.

– Аминь, – сказал игумен.

В келью вошел молодой монах Савватий.

– Ваше Высокопреосвященство, – обратился он к игумену, – люди пожаловали, дабы встретиться с вами.

– Хорошо, немного передохну от службы и приступлю, – отозвался тот.

– Ваше Высокопреосвященство, позвольте спросить?

– Спрашивай.

– Почему вы позволяете мирским новостям проникать в монастырь?

– Мне кажется, что это полезно для того, что бы у братьев не возникало желания туда возвращаться. Возьми, к примеру, меня. Я тоже жил в миру и много себе позволял в нем. Но это всё прошло, да и время на то такую плиту дней да ночей навалило, что и памятью не воскресишь... Перетерпел, покорился путям Божиим, честно жизнь провел и беспостыдно готов в любой час предстать пред очами Его. И великий грех в том вижу, когда монах к кому-то или чему-то земному привязывается. Один Бог – наше прибежище, одна святая церковь – наша любовь. Вот так мы должны жить.

– Истинные слова, Ваше Высокопреподобие. Скажу вам честно, что с вашим здесь главенствованием много к лучшему пошло. Можно только возрадоваться тому, что в монастырь наш с возглавлением вашим аки корабль поплыл чинно и непоколебимо в бурном мирском море.

– Скажу тебе так, Савватий, рукоположение не дает человеку ни ума, ни учености, ни опытности, ни духовного возраста. Оно дает ему страшное право стоять перед престолом Божиим там, где только Христос имеет право стоять. А это тяжкая ноша, тяжкий крест. Посему я в каком-то смысле икона, но при этом не должен воображать, будто я святыня. Признаюсь, я порой переживаю вновь прошлое и спрашиваю себя: жалею ли о нем, и как бы я хотел поступить, если б ко мне опять возвратилась моя молодость. И я перед отворен-

ными уже для меня дверями другой жизни говорю твердо и решительно: я желал бы поступить так же.

– Это истинное счастье, когда душа равновесна.

– А ты знаешь, я часто люблюсь заходящим солнцем, смотрю на догорающую полоску заката и думаю, что уже недалеко то время, когда и я уйду в страну, где так хорошо как нигде не может быть хорошо, как говорила моя старушка няня.

– Скажите, Ваше Высокопреподобие, у вас так много забот о братии и монастыре, а вы никогда не спешите в беседах со своими посетителями. Отчего это?

– Господи, так ведь они иногда едут за столько верст ко мне, недостойному, ну как их торопить!

– Ей-богу, вы – чудотворец!

Игумен Илларион оградил себя крестным знаменем, с самоукорением сказал:

– Может ли быть, чтобы великий грешник был бы чудотворцем?

– Вы – грешник?! – удивился молодой монах. – Да к вам едут и идут со всех концов, не переставая! И всегда получают доброе наставление и утешение.

– Всякий духовный наставник должен приводить души к Христу, а не к себе... – замети игумен и добавил: – Ну, а всякого приходящего или всякого встречаемого надо принимать как посланца Божия. Всех надобно принимать как образ Божий, с почтением, и желать сделать добро всякому

приходящему. Ну, на сегодня довольно бесед, ступай и трудись. И пригласи первого из тех, кто ранее всех сюда пришел. Пусть вознаградится за свое долготерпение.

Молодой монах поклонился игумену и вышел из кельи. А тот посмотрел в зарешеченное окошко и вздохнул. И вспомнилось ему прошлое, давнее и, казалось бы, почти забытое, а на самом деле живущее в нем и поныне, как жила в нем уверенность в том, что немного ему осталось длиться на этой земле...

Часть первая. 1860 год. Ольга Одинцова.

Солнечным летним утром по укатанному шоссе верстах в сорока от уездного города ехал в коляске, запряженной парой лошадей, молодой человек лет восемнадцати в дорогом, с иголки, костюме. Откинувшись немного назад на удобном сиденье, он курил папиросу, время от времени с интересом поглядывая по сторонам. Это был граф Николай Петрович Закревский. Только что закончились выпускные экзамены в петербургской гимназии, и он с удовольствием предавался наконец наступившему отдыху.

Направлялся он в имение своей тетушки княгини Прасковьи Сергеевны Шиловской, куда отправила его семья, дабы он как следует отдохнул после трудных экзаменов и подготовился к поступлению в университет.

Облик у Николая Закревского был типично русский. Можно сказать, что он был красив – милой, приятной красотой холеного взрослого юноши из хорошей семьи. При этом красота эта была естественная, как естественен был и сам Николай – потомок знатного и богатого рода графов Закревских. Он был благородного нрава, от природы умен и способен, учился преотлично, закончив гимназию с золотой медалью, нужды никогда не знал и о жизни вне своего дома и стен

гимназии имел совершенно книжное представление.

— Вон и Вознесенское наше показалось, — сказал возница, показывая рукой на виднеющуюся за верхушками деревьев церковь. — Так что, ваше сиятельство, скоро уж будем дома. Вот их сиятельства-то обрадуются! Который день ждем вас.

— Это хорошо когда тебя кто-то ждет, — произнес Николай. — Да и я, по правде сказать, Селиван, с радостью сюда возвращаюсь.

Он уже бывал дважды в этих местах и успел полюбить и людей вокруг и красоту местной природы.

По правде сказать, он немного волновался, как волновался всегда, когда надолго покидал родной дом.

— Года как три не был у вас, — сказал он, стряхивая пепел в сторону.

— Поболе, барин, будет, — откликнулся Селиван. — Уж четвертое лето нынче сравнялось, как вы изволили у нас гостить, — он прибавил ходу экипажу. — Эх, родные-родимые, с ветерком подкатим!

В то самое время, когда происходил этот ничего не значащий разговор между Николаем Закревским и кучером Селиваном, заблаговременно посланным, чтобы встретить долгожданного гостя на железнодорожную станцию, куда пару часов назад прибыл поезд с молодым графом, его тетушка княгиня Прасковья Сергеевна Шиловская сидела в кресле у окна своего дома и дремала в ожидании племянника. Ей было уже под шестьдесят. Это была высокая, статная женщина,

которая все еще сохранила черты былой красоты.

Внезапно в комнату вбежала горничная.

– Ваше сиятельство, молодой граф подъезжают! – сообщила она радостным голосом.

– О Господи, проспала! – в волнении поднялась с кресла Прасковья Сергеевна и тряхнула головой, прогоняя сонливость. – И ты тоже хороша, нет бы разбудить заранее, а то Николаша подумает, что я уже совсем старуха и сплю сутки напролет.

Уже в дверях она спросила горничную:

– А Павел Григорьевич где?

– Его сиятельство уже поднялись и одеваются, – отвечала та.

– Ну и ладно, ладно... – произнесла хозяйка дома, зевнула и прикрыла рот ладонью: – Ох, ну и сонное нынче время.

Едва она появилась в дверях парадного входа в дом, как к нему лихо подкатил экипаж с Николаем.

– Слава создателю, приехал, наконец!.. – радостно произнесла Прасковья Сергеевна, спускаясь по ступеням навстречу гостю.

Тот поспешил к ней, они обнялись, троекратно, по русскому обычаю, поцеловавшись.

– O mon Dieu, mon Dieu (О, боже мой, Боже мой – франц.), какой ты стал взрослый! – произнесла хозяйка дома, несколько отстраняясь от Николая и рассмотрев его хорошенько. – И высокий да статный, просто не узнать!

– Да, ma tante (моя тетушка – франц.), мне уже восемнадцать недавно сравнялось, – ответил юноша.

– Я так рада твоему приезду, chère amie (милый друг – франц.)! – искренне воскликнула Прасковья Сергеевна. – А то мы тут без молодежи только и делаем, что старимся потихоньку.

– А вы все так же прекрасно выглядите, – отозвался Николай. – Ah, mille pardons (Ах, миллион извинений – франц.)! Я чуть не забыл! – он быстро вернулся к экипажу, достал оттуда роскошный букет цветов и с поклоном вручил их тетушке. – Это вам, моя дорогая, в знак восхищения вашей красотой, – в голосе Николая сквозь полушутливый тон сквозило искреннее чувство.

– Merci, mon cher, merci (Спасибо, мой дорогой, спасибо – франц.), – умилилась хозяйка дома, принимая цветы и целуя племянника. – Ты все такой же благородный рыцарь... как я рада, что вновь тебя вижу!

– И я тоже, – отозвался Николай, целуя тетушке руку.

– А вот и он! – раздался голос появившегося в дверях дома супруга Прасковьи Сергеевны князя Павла Григорьевича Шиловского, статного господина в годах с благородными чертами лица.

Князь легко спустился по ступеням и обнялся с Николаем, тоже троекратно, по русскому обычаю, расцеловавшись с ним.

– Как мы рады тебе, Nicolas (Николай – франц.), – произ-

нес князь с искренним чувством, оглядывая гостя. – А ты стал совершенно взрослым... и табаком от тебя пахнет... уже куришь...

– Имею привычку с некоторых пор, – отозвался Николай.

– Ну, пойдем в дом, а то устал, видать, с дороги, – сказал князь, широким жестом приглашая молодого гостя. – Путь-то не близкий.

Все трое поднялись по ступеням к парадным дверям дома и зашли внутрь.

– А у вас все по-старому, – произнес Николай, оглядываясь.

– И мы тоже старые, – заметил князь.

– Avant tout dites moi, comment vous allez (Прежде всего, скажите мне, как вы – француз)? – поинтересовался Николай.

– Ах, mon ami (мой дорогой – француз.), в моем возрасте уже пора болеть, а то неприлично... – улыбнулся князь, – но, впрочем, о болезнях более распространяться не будем. Что нового в Петербурге, как дела у ваших?

– О делах после будете иметь беседу, – заметила княгиня, – поначалу отдохнуть с дороги требуется, а после и откусать.

– Я не устал, тетушка, – отозвался Николай.

– Ну, тогда милости прошу к столу, – Прасковья Сергеевна открыла дверь в залу, где уже был сервирован стол на три персоны. – Попробуешь наших Воскресенских кушаний, а то, поди, столичное порядком надоело.

– И выпить недурно было бы, – произнес князь. – Или ты еще не постиг этого греха?

– Почему же, вина я выпью с удовольствием, – отозвался Николай.

– Что ж, кто не курит, не играет и не пьет вина – тот подозрительный элемент в обществе, – улыбнулся Павел Григорьевич, помогая сесть княгине и усаживаясь за стол сам. – Располагайся, ты тут дома, – проговорил он, обращаясь к Николаю.

Отведав воскресенских кушаний, они расположились в старинных креслах в большой гостиной.

– Я рад, что ты решил поступать в университет, – произнес князь, обращаясь к гостю. – Закревские всегда были людьми учеными.

– Да, я решил продолжить образование, а потому и приехал к вам по настоянию и совету родителей, – пояснил Николай.

– Послушание дело похвальное, – заметил князь. – Но сам-то учиться хочешь или только выполняешь родительскую волю?

– Очень хочу, – признался Николай.

– У нас здесь тихо, покойно, никто тебе не мешает, – сказала Прасковья Сергеевна. – В своих рассуждениях твои родители совершенно правы – только здесь, вдали от соблазнов столиц, и можно приготовить себя к поступлению в университет.

– К какому же поприщу ты себя готовишь? – поинтересовался хозяин дома.

– Всякое поприще одинаково хорошо, если ведет к службе отечеству, – ответил Николай.

– Это так, ну а все-таки?

– Признаюсь, я еще не выбрал, – сказал Николай и добавил: – Скорее всего, займусь юриспруденцией.

– Что ж, похвально, похвально, – одобрительно кивнул головой князь. – Изучать законы и порядки – достойное дело. Однако, расскажи мне, что нынче думают молодые о необходимости образования. Каковы взгляды нового поколения на сей предмет?

– Образовать человека это весьма и весьма важно, – ответил Николай, – как говорят в народе: «Грамотный повсюду отличка: он и глазами все видит и из рук его ничего не уйдет».

– Ну, эка ты хватил, мой друг! – заметила княгиня. – Грамоте ты и так обучен, для этого и гимназию кончил с отличием, князя интересует другое – что есть образованность в нынешнем понимании. Разных наук сейчас многие постигли, а вот с нравственностью не все в ладах. Что ты об этом думаешь?

– По моему разумению образовать человека – значит развить его, – сказал Николай.

– Развить в какую сторону? – поинтересовался князь.

– В сторону его истиной природы, дабы человек смог про-

явить все свои духовные способности, свои чувствования, наклонности, пожелания...

– Для чего? – продолжал любопытствовать князь.

– Чтобы жить хорошо.

– Жить хорошо можно и не трудясь, – заметил князь. – Тут образованности не требуется, особенно когда человек в достатке рожден. Как мы с тобой, например.

– Промотать можно любое состояние, – отозвался Николай. – Таких примеров много. А чтобы так не было, по моему разумению в человеке надо развивать его волю, его мышление, словом – чтобы в нем все было соответственно нравственному достоинству. А потому, мне кажется, существует только два надлежащих способа хорошо жить.

– И какие же? – полюбопытствовал князь, внимательно глядя на Николая.

– Один способ – когда человек стремится иметь много средств и удовлетворять много потребностей. Этот способ самый простой.

– А другой? – продолжил интересоваться князь.

– Другой – когда человек довольствуется немногим, сокращает потребности. Мудрецы всегда выбирали этот способ: Сократ, Христос, Декарт, да и наш народный мудрец Иван-дурак. Это и есть наше простое, родное, русское.

– Что же, по-твоему, есть суть русское? Лень да бунт? – произнес с усмешкой князь.

– По-моему русское – это радость от беззаботности, до-

вольствование немногим. Это и есть, как мне кажется, суть русской натуры – тратить время на беседу, дружбу, любовь, на дух бескорыстный... Потому я и люблюсь русским народом, особенно здесь, у вас.

– На русский народ очень хорошо любоваться издали, особенно когда он молится и верит, – усмехнулся князь.

– Что-то вы, князь, сегодня не в настроении, – заметила хозяйка дома, укоризненно глядя на супруга. – Лучше прогуляйтесь по хорошей-то погоде, да Николашу возьмите с собой – пусть поглядит, что тут у нас и как. И прошу вас – не надо изливать на нашего гостя свое раздражение и скепсис. *C'est superflu* (Это лишнее – франц.)!

– Ну, полноте, Прасковья Сергеевна! – сказал князь. – *Toute personne a droit à son opinion* (Каждый человек имеет право на свое мнение – франц.)!

– Однако не всякое мнение можно высказывать вслух, – несколько укоризненным голосом заметила княгиня.

– Уж и поговорить с гостем от души нельзя, – улыбнулся хозяин дома. – Пойдем, мой друг, – обратился он к Николаю. – Тетушка твоя права – в такую погоду и впрямь недурно прогуляться. Дома за чтением еще успеешь насидеться. Кстати, у меня собрана приличная библиотека, только она сейчас в полном беспорядке. Если найдешь время – разберись с книгами, а то у меня руки не доходят.

– Непременно, – пообещал Николай и вместе со старым князем вышел во двор.

* * *

На следующее утро он пошел в библиотеку и стал приводить ее в порядок по просьбе хозяина дома.

Не успел он закончить, как в библиотеку заглянул Павел Григорьевич.

– Как твои занятия идут? – спросил он.

– Уже почти все сделал.

– Надо же! Как быстро. Впрочем, библиотека у меня, как видишь, хоть и не очень большая, но все-таки достаточная для пытливого ума. Я и поныне выписываю книги и журналы, да только они у меня без всякого порядка были... нашлось что-нибудь интересное?

– Так, весьма немного, – признался Николай.

– У нас на чердаке еще со старых времен есть шкаф с книгами, да по чуланам и подвалам надобно посмотреть – вполне вероятно, что найдется тоже что-нибудь.

– Я посмотрю, – ответил молодой гость.

– Только ты, мой друг, не очень усердствуй. В твои года гулять надобно, а не за пыльными книгами сидеть.

– Я сегодня как раз гулял по вашему лесу. Какой у вас прекрасный лес!

– Не дурной лес, ничего плохого не скажу, хотя, правда, не такой, какие прежде леса бывали, но не дурной. В старые времена здесь были леса заповедные, с непроходимыми ча-

щами, медведями... Нынче же совсем не то, что прежде. Да, впрочем, нам с супругой особо гулять некогда – забот полны руки, посевы, покосы... поверишь – не помню, когда в последний раз книгу держал в руках... всё некогда, всё дела... однако как всё правильно и по порядку здесь стало, – сказал он, оглядывая библиотеку, – просто чудо как систематично. Давненько здесь такого не было. Благодарю сердечно за труд. А хочешь, я тебе кое-что другое покажу?

– С удовольствием.

– Тогда пойдем, мой друг, со мной в кабинет.

Они вышли из библиотеки и направились в другой конец коридора.

Зайдя в кабинет, князь подошел к старинному шкафу и достал с верхней его полки какой-то небольшой ящик. Положив его на стол, он раскрыл его, и Николай увидел уложенные в глубокие отделения два пистолета в отличном состоянии и приспособления к ним.

– Это дуэльные пистолеты, – пояснил хозяин дома, – из прежней жизни. Бывало, что и не просто так вынимались отсюда.

– Вы что же, участвовали в дуэлях? – поинтересовался Николай, с любопытством взглянув на князя.

– Приходилось. И не раз. Хотя Бог миловал – никого не убил. Однако ранил двоих, а раз в воздух выстрелил. Благородства ради. Больно уж ссора была пустяковая, не хотелось человека из-за ерунды опасности быть раненым или убитым

подвергать.

– А сами вы бывали ранены? – спросил гость, вертя в руках старинного вида пистолет с искусными узорами и насечками на рукоятке и стволе.

– Однажды. Но повезло – в руку попали. Молодой был, быстро всё зажило.

– А вы, дядюшка, оказывается бретер, – улыбнулся Николай.

– Не особо. Но честь свою не боялся отстоять. И спуску негодяям никогда не давал. За что даже взыскание по службе имел. В прежнее время не все начальники это дело одобряли. А нынче и подавно. А напрасно – будь дуэли широко приняты, так поосторожнее люди были бы в оскорблениях друг дружки. А то в наше время все смелы стали на язык. А все потому, что ответа за свои слова не боятся. А надо бы.

С этими словами князь закрыл ящик с пистолетами и убрал его обратно в шкаф.

– Спасибо, друг мой за труды в библиотеке, – сказал он. – А теперь лучше отправляйся на прогулку, пока погода не препятствует. В доме еще успеешь насидеться.

* * *

Николай послушал совета Павла Григорьевича и отправился на прогулку верхом.

День стоял чудесный.

Все вокруг было ему интересно и привлекало его внимание.

И вот он, сын столицы, который родился и вырос в ней, который жил в огромных каменных домах – он теперь был в деревне, среди доброй семьи... Поле, река, лес, деревенский воздух, полная свобода без всяких гувернеров и воспитателей – все это давало ему еще не испытанные им впечатления. Множество невиданных явлений и предметов представлялись его любопытству, и на первых порах глаза его разбегались. Он впервые отчетливо глазами взрослого уже человека видел, как распускается лес, как ползет и лезет трава из земли, как сразу цветет вся окрестность, как живет деревенский житель. И иногда он останавливал лошадь, спешил и шел пешком, прислушиваясь к шелесту листьев в лесу, голосам птиц и насекомых, ко всему лесному движению. Он с жадностью всматривался в невиданную им доселе по-настоящему жизнь и природу.

Изредка он задумывался о будущем, но мысль о нем как-то недолго удерживалась в его голове. Она всегда заканчивалась рассуждением: «Еще успею, ведь мне всего восемнадцать лет».

При нем оставалась его юность, не миновали его еще те беззаботные, радостные месяцы взросления, в которые он развился почти во взрослого человека, а при том доброта и вера в людей еще не поколеблена скепсисом возраста. По счастью он еще не познал жизненного людского зла, а от это-

го все вокруг него было прекрасно, возвышенно и свято, а будущее представлялось ясным и безоблачным и казалось бесконечно длинным, практически нескончаемым.

Он знал хорошо только свою дружную семью и нескольких товарищей, да три-четыре семейства вокруг их семьи – все это были прекрасные личности. Правда, он слышал иногда, что жизнь не всегда весела, но он почти не видел зла, а кто видел мало зла, тот говорит о нем понаслышке, да и говорит редко, потому что человека по-настоящему занимает только то, что он знает и испытал сам.

Проскакав довольно большое расстояние, он оказался на краю какой-то лощинки в самой гуще леса. Поблизости вилась чистый ручей, заросший осокою. Квакали лягушки.

Очутившись в лесу, он снова спешился и пошел пешком, ведя лошадь под уздцы. Потом лег на траву и долго задумчиво смотрел на небо, голубое-голубое, как детские голубые глаза. Он следил за полетом золотистых облачков, которые тянулись по небу, и думал о том, как же прекрасен божеский мир вокруг него.

Вдруг в глубине леса послышался топот копыт. И вскоре на поляне, перечеркнутой тропинкой, показалась всадница на красивой вороной лошади. Было ей лет под тридцать, сидела она на седле весьма уверенно и смело.

Следом за нею ехал господин старше ее. Он чуть прищипорил лошадь и сравнялся с незнакомкой, которая взглянула на своего спутника и улыбнулась. Улыбка ее, как и вся она,

была прекрасной.

– Так как же, Ольга Дмитриевна? – спросил ее спутник.

– Что? – спросила в свою очередь она.

– То, о чём мы говорили прошлый раз?

– Вы удивлялись, отчего я не выхожу замуж?

– Да.

– Не хочется, – просто и спокойно сказала незнакомка, и улыбка при этих словах исчезла с ее лица.

– Вы любили?

– Я?.. Да, я была замужем... впрочем, вы это отлично знаете...

– Какой преоригинальный ответ! – воскликнул господин чуть насмешливо. – При чем тут это? Любовь и супружество не всегда живут в согласии. Я спрашиваю – любили ль вы своего супруга?

– А вам какое до этого дело? – с некоторым раздражением сказала незнакомка.

– Но ведь вы же за покойного вашего мужа вышли?

– И что же? От того-то больше ни за кого и не пойду.

– И за меня?

– Вы что же, мне делаете предложение? Да? Ах, какой вы милый! – незнакомка рассмеялась звонким, переливчатым смехом.

– Да, делаю. Поверьте, Ольга Дмитриевна, что я рядом с вами иногда переживаю такие минуты, что... готов не знаю что с собой сделать. Одно знаю верно – я очень влюблен в

вас. А вы?

Незнакомка молчала и остановила лошадь невдалеке от Николая.

– Скажите, Ольга Дмитриевна, вы согласны стать моей женой? – спросил ее спутник, тоже остановившись рядом с ней.

– Нет, – ответила незнакомка быстро и решительно.

– Можно узнать причину? – глухим голосом спросил ее спутник.

– Да никаких причин нет.

– Тогда в чем же дело?

– Отчего я не выхожу замуж за вас? – сказала всадница. – От того, что я решительно ни за кого не собираюсь выходить замуж. Да и зачем нам с вами жениться?

– Вы такая молодая, красивая, умная женщина...

– Женщина, но не самовар, – усмехнулась незнакомка.

– То есть как это? Какой самовар? – не понял ее слов спутник. – Поясните, пожалуйста, эти ваши слова. Я решительно затрудняюсь их понять.

– Ну, это когда муж с женой сидят у стола и пьют чай из самовара.

– И что же?

– Мужчины для того женятся, чтобы нас за самовар держать.

– Решительно не понимаю ваших слов! – воскликнул сопровождавший незнакомку господин. – Вы говорите загадками.

– Да какие тут загадки? Мужчины хотят нами, женщинами, согреться да в уюте жить. Вот я и говорю вам – я не самовар, чтобы об меня греться. Вы ведь для самовара жениться хотите, чтобы вам тепло и уютно было. И ради этого вы готовы терпеть жену, которая живет с другим, а вас не любит? И это есть для вас семейное счастье?

– Это как-то цинично, – проговорил всадник.

– Циничным обычно называют то, что есть чистая и неприукрашенная правда, – заметила незнакомка. – Впрочем, мне все равно, что вы об этом думаете. Вы славный человек, и я от всего сердца желаю вам добра и счастья, а потому хотела бы предупредить ваше несчастье.

– В любви, я думаю, есть одно самое страшное несчастье – когда ее не разделяют, – убежденно произнес спутник незнакомки.

– Вот от этого несчастья я и хотела бы вас предупредить.

– Есть ли у вас сердце?

– Разумеется, есть. Я, как и всякая женщина, к несчастью, имею его, но не вижу вокруг себя человека, которому стоит отдать это сокровище... – спокойным и твердым голосом произнесла всадница.

– Если вы ко мне равнодушны, то не беспокойтесь – я освобожу вас от моего присутствия как можно скорее, – заверил ее спутник.

– И будете весьма любезны. Мне бы сейчас хотелось побыть без постороннего общества.

– Вы имеете в виду всех или именно меня?

– И всех и вас в том числе, – сказала незнакомка и добавила твердым голосом:

– Я ни за кого не пойду замуж, никогда, никогда!

Тут она ударила хлыстиком коня по шее, и во весь дух поскакала прочь в лес, в самую чащу. Ее спутник последовал за ней.

Как две молнии пронеслись они мимо Николая и исчезли из вида.

А он, замороженный этой встречей, стоял и смотрел в ту сторону, куда унеслись прекрасная незнакомка и ее спутник.

* * *

Весь остаток вечера Николай провел, погруженный в воспоминания о нечаянно подслушанном разговоре. И вдруг понял, что прекрасная наездница очаровала его сердце. Впервые он взволновался от женской красоты. И это сладкое, незнакомое волнение было ему странным, неведомым и одновременно необычайно приятным.

– Уж не влюбился ли ты, мой друг? – спросила тетушка, заметив какое-то странное состояние своего племянника.

– Пожалуй, вы угадали, – ответил довольно храбро Николай.

– И в кого же, если не секрет?

– Я и сам не знаю в кого.

– Это прекрасно; в незнакомку, значит?

– Да, это так...

– И где ж ты, мой друг, ее увидел?

– Сегодня в лесу. Она ехала верхом. А с ней еще какой-то господин.

– О, молодые, горячие, полные жизни годы! – заметил старый князь, присутствующий при разговоре. – Когда ж не влюбляться как сейчас. В твои годы и меня тревожили грезы. Сколько раз бывал пылко влюблен – и не сосчитаю.

– Полно тебе, Павел Григорьевич, нашего друга подбивать на увлеченности, ему еще поступать в университет, – заметила княгиня. – Вот о чем у него голова должна болеть.

– Ах, Прасковья Сергеевна, разве мы думаем в его летах о том, что надо? Мы думаем о том, что нам хочется, о пленяющих нас грезах, что волнуют и тревожат нашу молодую душу...

– Оставь, оставь эти разговоры, мой друг, не отвлекай Николеньку от его предназначения, – строгим голосом сказала княгиня.

– По правде сказать, тетушка, я и сам пока еще не знаю своего предназначения, – признался Николай.

– Так узнаешь, мой друг, если о серьезном думать будешь, а не о пустяках, – назидательным тоном проговорила его тетушка.

– Да какие же это пустяки? – возразил старый князь.

– Прекрати немедленно эти разговоры! – сердитым голо-

сом проговорила княгиня. — Нам не о том надо его наставлять.

— Кто ж в его годы слушает наставления стариков! — махнул рукой ее супруг. — Касательно меня так я никогда никаких наставлений не слушал.

— Ну и что из того? Что хорошего получилось? — недовольно произнесла княгиня.

— А что плохого? — пожал плечами князь. — Женился на тебе, трех детей воспитал и в люди вывел, в достатке живу. Что уж тут плохого получилось, позволь спросить. Ладно, не стану попусту пререкаться, пойду-ка лучше отдыхать, — сказал князь и пошел к себе.

— Не особенно его слушай, — посоветовала тетушка, обращаясь к Николаю. — Он всегда был слишком волен.

— Как это, тетушка? — любопытствовал тот.

— Да так... — уклонилась хозяйка дома от его вопроса.

— Все же поясните мне про вольность Павла Григорьевича, — продолжил настаивать Николай.

— Думаю, что рано тебе про это знать, — твердо проговорила княгиня.

— Почему же рано, мне уже восемнадцать, я гимназию с золотой медалью закончил, — с некоторой досадой в голосе произнес Николай.

— И хвалю за это, — отозвалась его тетушка. — И горжусь тобой, милый друг. А про вольности Павла Григорьевича... не хочу об этом говорить. Станешь повзрослее — сам всё узна-

ешь. А в твои года еще рано голову этим забивать. Ну, хватит о праздном, пора и на отдых. Что-то я устала к вечеру, – княгиня поднялась, поцеловала Николая в голову, перекрестила и пошла в дом.

Он остался один. Последняя часть разговора с тетушкой и особенно ее упоминание вольности ее супруга произвели в нем какое-то неопределенное волнение и даже любопытство.

Он поднялся и, услышав в глубине дома голос старого лакея Поликарпа, нашел его и поинтересовался:

– Скажи, любезный, а что в ваших краях говорят про Павла Григорьевича?

– О чем это вы, барин? – не понял его вопроса лакей.

– Я про то, что вольного делал дядюшка в молодые годы. Ты ведь давно тут служишь, а потому смею предположить, многое знаешь про это.

– Не пойму о чем вы, ваше сиятельство, – произнес лакей и едва заметно смутился.

По тому, как тот смутился, Николай понял, что ему есть что спросить у старого лакея.

– Сам знаешь о чем, – проговорил Николай настойчивым голосом. – Рассказывай что и как.

– Не могу знать, – увильнул от его просьбы лакей. – Простите, барин, мне еще за уборкой и мытьем посуды надо проследить, – он вежливо поклонился молодому графу и удалился.

– Фу ты черт! – недовольно произнес Николай. – Ускольз-

нул, хитрец. Впрочем, надо бы у женской части прислуги спросить – женщины всегда про подобные дела разговорчивее.

Найдя в дальней половине дома немолодую служанку, он, вынув из кармана рубль, положил его перед ней и спросил:

– Если расскажешь все про своего барина, еще один такой получишь.

– Да про что вы спрашиваете, ваше сиятельство, ума не приложу, – проговорила та, не отрывая взгляда от лежащего на столе рубля.

– Сама знаешь про что, – Николай вынул еще один рубль и положил его рядом с первым. – Ну, говори. Если не скажешь, деньги у меня останутся.

– Уж не знаю, про что и говорить-то! – сказала служанка, все также глядя на то место на столе, где лежали деньги.

– Про то, что все тут знают, но мне не говорят. Обещаю, что никому, а тем паче хозяевам твоим, ничего не расскажу.

– Да тут такое дело... – служанка запнулась.

– Какое такое дело?

– Да что уж тут скрывать-то – старый барин в молодые лета очень был охочь до нашей, стало быть, сестры.

– Продолжай.

– А что тут продолжать-то? В наших-то деревнях, почитай, премного людишек от него произвелось. Вот какие дела. Впрочем, плохого никто про нашего хозяина не скажет. Насильничать не насильничал. Этого никогда про него не го-

ворили. Но девок молодых, бывало, приглашал к себе в опочивальню. Про это многие из старых слуг ведают. Или где в лесу или там в другом месте... в общем, детишек, поговаривают, много от него народилось по округе. Нынче они почти все взрослые. Но он хороший барин, никого не забывал, всегда о них справлялся и помогал. Никого не обидел. Хороший барин, все его тут любят.

– Вот оно как... – задумчиво произнес Николай.

– Да неужто это большой грех-то? – заметила старая служанка. – Возьмите, к примеру, меня. Жених-то мой меня после барина узнал. Вот так-то. Раньше так принято было. Барин – первый, а жених уже опосля. Привыкшие мы. Так издревле заведено, чего уж тут роптать. Одно вам скажу, ваше сиятельство, мой-то прежний барин после всего и не спрашивал что я и как. Словно и не было ничего. И про других тоже самое. А нынешний-то барин, Павел Григорьевич, ему не чета – славный, добрый, заботливый... Не в пример прежнему. Очень мы все нашими хозяевами довольны. Молим Бога, чтобы все оставалось как есть и чтоб подольше они прожили. Как на духу говорю.

Николай вынул еще один рубль, положил его рядом с прежними и сказал:

– Это твое. Но не болтай никому о нашем разговоре.

– Разве я глупая совсем, – заверила его служанка. – Я против себя не враг.

Он повернулся и пошел к себе. «Что ж, – думалось ему

по дороге. — Так было в старое время заведено. Да и отметить прошлое никто не может. Что было, то было и быльем поросло».

* * *

Утром следующего дня, старый князь, подойдя к Николаю, предложил:

— Не составишь ли мне компанию в прогулке? Я решил проехаться верхом.

— С удовольствием, — согласился молодой гость.

Князь и Николай направились к конюшне, у которой встретили деревенского мальчишку лет семи.

— Поди, найди Фрола-конюха, — велел мальчишке князь. — И скажи ему, чтобы запряг Жужу и Нереста. Знаешь, где Фрол-конюх?

— Знаю, барин, — отвечал мальчик.

— И где же?

— Во хлигеле, — чай, поди, во хлигеле пьет.

— Вот тебе и русский язык! — усмехнулся князь. — Чай пьет или чай, пьет горькую — не разберешь их. Ну, так ступай и позови его сюда, — велел он мальчику.

Мальчик убежал.

Мимо них прошла беременная баба, остановилась и низко им поклонилась.

— Вот прошу видеть пример русской безалаберности, —

усмехнулся князь. – Насколько я помню эту бабу – она без перерыва на сносях. Это зачем же столько?! – обратился он к бабе.

– Об чем ты спрашиваешь, батюшка Павел Григорьевич? – несколько недоуменным голосом отозвалась та. – Чегой-то я не пойму вас по своей глупости.

– Зачем столько... детей нарожала? – пояснил князь.

– Да ведь как же без этого-то?

– И скольких родила?

– Уж десятый в животе-то барахтается.

– Ну вот, и что ж тут хорошего?

– Так ведь замужем я, ваше сиятельство... – пояснила баба.

– Ну и что же, что замужем?! Вот я тоже женат, а детей всего трое. Что ж из того, что ты замужем?

– Ваше дело иное, барское... – заметила баба.

– Отчего же наше дело иное?

– Да то и дело, что иное... вы баре, знамо дело...

– Ах, бестолковый народ, не пойму я тебя что-то! – несколько раздосадовано воскликнул князь. – Толком разъясни – в чем тут разница-то!

– Дак разница велика... вы – баре, от того и живете в таких-то широких хоромах... просторно вам... разойдетесь и не встретитесь...

– Ну, так и что? – не понял рассуждения бабы князь.

– А у нас все другим макарон – избы, известное дело, тес-

ные, как тут не встретиться...

– Что ж, обязательно брюхатеть от встречь-то этих?

– Так уж выходит... что ж поделаться, когда у нас одно это и есть весельство...

– Все равно не пойму, зачем так плодиться!

– Да так, приключается. У нас ведь как говорят: «Слава Богу, не без доли: хлеба нету, так дети есть».

– Ах, ну что с ней поделаешь! – махнул на бабу князь. – Тоже ведь своя философия на все. Ну тебя, ступай с богом! Баба поклонилась опять и ушла.

– Вот видишь – какого ума русские-то мужики да бабы, – заметил князь. – Рассудительности не более, чем у скота, прости господи!

– Однако есть множество путей помочь этому народу стать лучше, – сказал Николай. – На этот счет у меня есть свои мысли.

– О, расскажи мне, это было бы преинтересно.

– По моему мнению следует нам, людям просвещенным и с достатком, потрудиться на благо вот таких простых темных людей, как эта... что встретилась нам.

– И каким же образом? Поместья свои им раздать, а самим в избы переселиться?

– Нет, зачем же. Для улучшения их положения вполне достаточно целенаправленная деятельность для пробуждения дремлющих в этом темном народе сил...

– Тоже темных...

– Не понял вас, Павел Григорьевич.

– Если народ наш темен, то и пробудить в нем можно только силы темные, – заметил князь.

– Зачем же видеть людей в таком черном цвете, и без того в жизни много горького, а что ж будет, если никто никому не станет верить и никого не будет любить?

– Любить-то как раз и надо, но не всех и не всякого. Особенно я бы поостерегся любить низкий люд, это ему не на пользу, – убежденно проговорил князь. – Да и не понимает наш народ любви-то к себе, за дураков почитает добрых-то бар.

– Жестокосердие приводит к жестокосердию – в этом я убежден, – сказал Николай. – А потому твердо намерен держаться того мнения, что только прекрасные и полезные истины сделают сердца людские лучше.

– А я тебе скажу, что прекрасные и полезные истины, исходящие из уст господ радетелей народного блага, представляют для деревни лишь простое сотрясение воздуха, – проговорил с некоторым раздражением князь.

Во время их разговора к ним подвели двух оседланных лошадей. Николай и старый граф сели на них, при этом одинаково ловко. По тому, как быстро Павел Григорьевич оказался в седле, никак нельзя было сказать, что ему уже немало лет.

Они отправились кататься верхом. Во время их прогулки Николай все-таки не удержался и спросил:

– Дядюшка, а поговаривают, что у вас тут в деревнях есть свои дети? Это правда?

– Есть некоторое количество, – признался князь. – Однако не вижу в том ничего постыдного. Право первой ночи – с древних времен во многих местах бралось за правило. И у нас не исключение. Однако вот что тебе скажу – я этим никогда не злоупотреблял. И насильничать себе не позволял. Однажды даже такой у меня случай был. Девушка одна гуляла с разными парнями, а как замуж собралась идти – так кинулась ко мне в ноги. Мол, помоги, барин, возьми меня перед венчанием к себе хоть на ночь. А то что я своему мужу скажу, когда он про мою прежнюю жизнь прознает. Вот так-то. И, кстати говоря, у нас с ней и не было ничего. Переночевала на моей половине в соседней комнате и пошла себе под венец. Так чего ж тут недостойного с моей стороны? Ровным счетом ничего.

Николай смутился.

Дядюшка это заметил и сказал ему:

– Что ты дуешься как мышь на крупу?

– Но как-то все-таки это... не совсем благородно, что ли... – в некотором замешательстве заметил Николай.

– А что плохого в том, что девушка не проживет свою жизнь в бедности? Ко мне не раз приходили матери с отцами, которые сами мне своих дочек предлагали. Возьми, мол, барин под свою опеку, не оставь с голоду помирать. Большой частью помогал им без всего этого. По жалости к участи их

и их деток. Но признаюсь – несколько раз брал девушек к себе. А после оставлял служанками в доме или по-другому как помогал. Или ты думаешь, что гнуть спину в поле с утра до ночи им было бы лучше? И Бог тому свидетель – никогда ни одну девушку не принуждал силой. Обхождением и лаской брал, это было, врать не стану, но чтоб силой – такого никогда не было. Не по мне это. А еще тебе скажу вот что – всем деткам своим незаконнорожденным всегда и во всем помогал, всех хорошо пристроил, никого не обидел.

– И сколько же таких у вас было?

– Без малого двадцать.

– Ого! – воскликнул Николай.

– И пусть так. Заметь – все живут хорошо. Никто не жалуется. Многие уж и своих деток имеют. Хотя, Прасковья Сергеевна, конечно, косится на меня за это. Но тут ее право. Не стану спорить. Но по молодости чего только не бывает. Эх, молодость, молодость...

Во время разговора они увидели идущую по дороге деревенскую девушку лет пятнадцати, необычайно хорошенькую.

– Здравствуйте, баре-государе, – поклонилась она.

– Здравствуй, здравствуй, любезная, – сказал князь с улыбкой. – Куда идешь?

– Лен прясть.

– И кто ж такая, чьих будешь? – поинтересовался Павел Григорьевич у девушки, не слезая с лошади.

– Даша я, сирота, – отозвалась девушка и смутилась.

– Вот гляди, Nickolas (Николай – франц.), как хороша! – довольным голосом произнес князь, разглядывая девушку. – Вот ведь чудо какое – среди такой черни расцветают порой удивительные наяды, – он достал серебряную монетку и, нагнувшись в седле, протянул ее девушке: – На, возьми.

– Покорнейше благодарю, барин, – девушка взяла монету, низко поклонилась и еще больше смутилась.

Князь спешил, взял обеими руками девушку за плечи, поцеловал ее в лоб, потом вынул еще одну серебряную монету и добавил к прежней.

– Дивная, дивная красота, – произнес он. – Увы, я уже не так молод, чтобы целовать юных дев в их нежные губки. Не желаю, чтобы у них от меня омерзение в душе оставалось. Эх, молодость, молодость... – вздохнул он. – Ну, иди, иди с миром, – сказал он девушке и перекрестил ее.

Та еще раз поклонилась им и пошла своей дорогой.

Князь снова сел на лошадь. Заметив, что Николай несколько смущен этой сценой и его словами, старый князь пояснил:

– Нет, эта наяда не от меня рождена. Уж не знаю и от кого, – он задумался ненадолго, а потом добавил: – Надобно сказать, все мы люди, все человеки не без слабости. Правда, теперь я уже не тот... и потому ко мне, вместо жизнерадостной гризетки все чаще забегает мысль о неминуемой и скорой смерти и заставляет задумываться.

– Вам еще рано о смерти задумываться, – заметил Николай.

– Из чего ты сделал такое заключение, мой друг?

– Из того, как вы ездите верхом, дядюшка. Мне, молодому, фору дадите.

– Лошади – моя последняя страсть, – улыбнулся спутник Николая. – Позволь заметить, что мне теперь уже скоро семьдесят. А это – как раз такой возраст, когда человеку после всех страстей и бурления остаются лишь вот такие улады, как верхом проехаться, да еще размышления... истинно сказано: когда дьявол постареет, он сделается пустынным... вот и я, старея, все больше о смерти думаю...

– О смерти всякий должен думать. И помнить о том, что она всех поджидает.

– Разумно, разумно, мой друг. Да, человек живет, наслаждается жизнью, а потом умирает, и все его муки, радости и усилия исчезают вместе с ним, как будто никогда ничего и не было... Это ужасно...

– Ужаснее жить без пользы, – откликается Николай. – Словно и не живешь на свете, когда пользы от тебя никому нет.

Проскакав по окрестностям некоторое время, они вернулись назад к конюшне и спешили, отдав поводья коней конюху и его помощнику.

Где-то недалеко раздался колокольный звон. Павел Григорьевич перекрестился и произнес со вздохом:

– Немало я был грешен, друг мой, а вот теперь под старость уверовал в Бога еще больше, чем прежде. Наверное, это из-за того, что скоро, скоро, он призовет меня.

Князь снова вздохнул.

– А мне кажется совершенно неестественным, чтобы человеческий ум мог совершенно исчезнуть, – сказал Николай. – Ведь не может быть так, чтобы то, что говорило, радовалось, постигало все окружающее, все запечатлеvalo в себе, кончалось полным небытием, как простая разрушенная машина...

– Это мы только после смерти узнаем... – откликнулся на его слова старый князь. – Правда, уже и не расскажем никому... но, по правде сказать, я ужаса перед смертью не ощущаю вовсе... и все более склоняюсь к мысли, что со смертью еще не всё будет кончено, что моя душа и после могилы будет жить... и жить лучшей жизнью, чем, скажем, наша светская жизнь.

– Я совершенно с вами согласен, – заметил Николай. – А что касается светской жизни – так она меня совсем не прельщает.

– Что так?

– Слишком много в ней суетного и не искреннего.

– И вправду, мой друг, – согласился Павел Григорьевич. – Поверь мне, это именно так. Я бывал в свете, знаю его и потому вот что тебе скажу: остерегайся его. И вообще будь с людьми осторожен.

– Вы советуете мне не доверять людям?

– Нет, доверять нужно, но только в крайнем случае.

– В крайнем случае?

– Да, мой друг, только редким и проверенным людям.

Особенно из числа нынешних.

– А чем же нынешние люди отличаются от прежних?

– Сердечности в них поубавилось не в пример прежним временам, а умысла прибавилось. Посмотри, что сейчас всех интересует: поесть, поспать, выпить, поиграть в винтишко. Думаешь, я так говорю, что стар стал?

– Нет, отчего же? Каждый имеет право думать на свой манер.

– А ты, конечно, не так строг к людям?

– Нет, не так, дядюшка. Я вижу в людях много хорошего.

– Это в тебе говорит молодой идеализм и, прости за резкость, неопытность. Я же в таком возрасте, когда знаешь наперед, кто что скажет и что сделает при любых обстоятельствах. Нынешние люди оскудели умами, чувствами, даже простыми человеческими словами... Особенно наша сонная, ленивая провинция.

– А я, по правде сказать, представлял помещичью жизнь поэтичной, – заметил Николай.

– Полно, полно, друг мой, – сказал Павел Григорьевич с грустью. – Провинция есть провинция. Сравни к примеру Москву и Петербург.

– В каком смысле, дядюшка?

– Петербург – чудо как хорош, настоящая столица, а Москва...

– Что же Москва? Признаюсь, мне Москва пришлась по душе.

– А вот я ее решительно никогда не любил.

Они поднялись по ступеням и вошли в дом.

– Вы бывали в Москве? – поинтересовался Николай, обращаясь к Павлу Григорьевичу.

– Да, жил в ней некоторое время и признаюсь – ужасно скучал.

– Почему же? Там хорошо, размеренно, не так много суеты, как у нас, в Петербурге.

– Правда, надо признаться, был я в Москве в молодые годы, когда кровь играла и бурлила, когда хотелось романов, приключений. Наверное, от этого и показалась она мне в ту пору скучной. Ведь известно: молодых не нужно много уговаривать, ибо правила их всегда были шатки. Это сейчас я все больше о нравственности размышляю, потому, наверное, что с миром разлучаться жалко... в нем много прекрасного было и есть... особенно любовь...

– Стоит ли влюбляться, по правде сказать? – задумчиво произнес Николай. – Лично у меня на этот счет большие сомнения. Не лучше ли употребить свои силы на что-то другое, более полезное для человечества?

– Любить как раз и надо, но только не всякого, а того, кто сего чувства достоин, – отозвался князь.

– Верные слова изволите говорить, князь, – слышался голос Прасковьи Сергеевны, которая при последних словах своего мужа появилась в комнате, где расположились Николай и Павел Григорьевич. – Но в жизни по-всякому бывает. Иногда сердце лежит к недобрым людям, что жгутся больнее всякого огня. Особенно в молодые-то годы. Ты сам-то, Николаша, влюблен ли уже в кого серьезным образом или еще минула тебя стрела Купидона?

– Подобных вещей не говорят, – ответил Николай сконфузившись.

– Ну, хорошо, не будем об этом, – сказала примирительно хозяйка дома. – Хотя я тебе скажу одно только – будь с головой в ладах, когда сердечко-то стучит. Иначе легко можно обмануться. Так часто бывает – сердце в омут ведет, в котором и утонуть недолго вместе с головой.

– Будто уж везде один обман на свете, тетушка, – откликнулся Николай. – Есть ведь и достойные люди.

– На кладбищах, Николенька, может быть, и есть, да только проку-то от них, мертвых, мало, – вздохнула Прасковья Сергеевна.

– По-вашему выходит, что все теперь только и делают, что лгут и никому уж и верить нельзя? – сказал Николай.

– Никому не запрещено, друг мой, верить-то: верь, сделай одолжение, если тебе так уж этого хочется. Но только про голову не забывай. Особенно с нынешними барышнями. Иначе придешь верной дорогой к гибели. А потому вот тебе мой

искренний совет: держи себя в стороне от бойких девиц теперешнего времени. Они ведь нынче как: увидят юношу из хорошей семьи и сразу его в оборот берут.

– Можно подумать, что раньше этого не бывало, – заметил Павел Григорьевич. – И раньше таких было во множестве.

– Бывали и такие, спорить нечего, – заметила княгиня, – но много было и достойных девушек, скромных, благовоспитанных.

– А сейчас, что же, перевелись вконец? – усмехнулся князь.

– Сейчас, мой друг, уж больно все бойкие стали, просто беда с ними, никаких приличий не соблюдают, – откликнулась его супруга. – Живут без венчания, детей рожают – совсем стыд позабыли!

– Не все, не все, матушка, – сказал князь.

– Не все, но многие. А потому, ты, Николаша, будь с нынешними барышнями осторожнее, тем более здесь, у нас, где особая вольница и девушки рано созревают.

– Я сюда не для амурных дел приехал, тетушка, – заверил княгиню Николай. – Мне здесь время следует употребить для другого – к университету готовиться.

– Ну, и славно, – произнесла Прасковья Сергеевна. – Отдохнешь немного с дороги – и за учебу. Кстати, у нас завтра гости. Повеселишься с ними – а потом и за дело примешься.

– Твердо обещаю вам это, тетушка, – заверил княгиню Николай и поднялся с места. – А пока, если вы не обидитесь, я

бы хотел отправиться ко сну, устал что-то.

– Ступай, ступай, mon ange (мой ангел – франц.), – княгиня поцеловала Николая в лоб, перекрестила и сказала: – Счастливо отдыхать. В твоей комнате уже все приготовлено.

Николай, раскланявшись с тетушкой и с Павлом Григорьевичем, удалился. Княгиня посмотрела ему в след и сказала, едва Николай покинул комнату:

– Как он похож на Петрушу, такой же статный.

– Да, молодец хорош собой, – согласился с ней князь. – Отличный молодой человек! Образованный, воспитанный малый...

– И, батюшка! Что правда, то правда: добрый, воспитан хорошо и не пьет, в карты не играет.

– Ну, так это по молодости. Повзрослее станет – и все это будет делать, как и все делают, – сказал убежденным голосом князь. – Он человек из света, но надо отдать ему должное – не делает высокомерный вид. Славный, славный, ничего тут не скажешь! Да и рассудительности ему не занимать. В его годы я был куда ветренее.

– Ах, батюшка, велика ли цена рассудительности, когда сердце свободно от нежной привязанности? Закружится голова – и всякая рассудительность улетит, – вздохнула княгиня.

– А мы будем присматривать за ним, предостерегать.

– И это говоришь ты, мой друг? – иронично проговорила княгиня.

– Именно я, матушка. Потому как очень хорошо знаю, как далеко уводит человека Амур от истинного его предназначения. Надеюсь, что к тому времени, как Николай познает замирание сердца, буйный трепет жизни и восторг любви, он уже станет на ноги и обретет известную долю рассудительности. Ведь ему уготовлено великое будущее, уж ты мне поверь.

– Дай-то Бог, дай-то Бог, – произнесла княгиня и вздохнула. – Жаль будет, если он собьется с этого пути.

* * *

Ранним вечером следующего дня в доме князей Шиловских был устроен прием для окрестных помещиков. Один из них, Роман Александрович Петухов был представлен среди прочих Николаю и как-то сразу понравился ему. Человек этот был уже в летах, лицо имел приятное, живое и умное. Они быстро нашли общий язык и обсудили несколько интересных тем, по которым новый знакомый Николая имел свое, весьма остроумное и оригинальное мнение.

– Кстати, я был премного наслышан о вас, граф, – сказал новый знакомый Николая, раскуривая трубку. – В молодости даже имел удовольствие встречаться с вашим отцом – достойнейшим, надо признаться, человеком. Как он, жив ли, здоров?

– Благодарю вас, батюшка в полном здравии, – ответил

Николай.

– Рад это слышать, как рад и познакомиться с его сыном. Как вам в наших краях?

– Тут премило, покойно, мне вполне нравится.

– А вот мне нисколько не нравится, – неожиданно произнес Роман Александрович. – И не сочтите это за привычное ворчание старика.

– Отчего вам не нравится здешняя жизнь? – поинтересовался Николай. – Из-за скуки?

– Не только. Хотя и это тоже повод. Однако главное не в этом.

– А в чем же?

– Главное – здешние люди. Ничего не любят: ни родины, ни службы, ни дела какого путного. Никого ничем не разбудишь, не заинтересуешь. Кругом пошлость. Что ни разговор, то овес, сеялка, закладные. Ничего дальше своей усадьбы или уездного города видеть не хотят. Никакого высокого стремления, никаких благородных и всеохватывающих планов. Закрылись от мирового простора словно скворцы в своих утлых скворечниках. Нос чуть высунул – и обратно в тесный скудный мирок.

– Неужто все поэтическое тут погибло?

– На то она и провинция, граф. Сонная, ленивая провинция. Тут баре спят, а мужики пьют. Вот и весь уклад жизни.

– Неужели тут нет никого достойного?

– Почему нет? Есть – тетушка ваша, к примеру. Насто-

ящая дворянка, истинно русская женщина, твердо помнит свою родню и говорит охотнее всего по-русски, что в столицах, конечно же, не часто встретишь. Или вот взять супруга ее, Павла Григорьевича. Как говорится, бодрый всадник на бодром коне. И духом тоже бодр не в пример остальным в его летах.

– Дух-то бодр, да вот плоть угасает, – отозвался князь, подходя к говорящим.

– Что ж, это свойство времени, – вздохнул Роман Александрович. – Такова уж наша судьба – с каждым днем стариться. Стариться, конечно же, плохо, но, однако, это единственный способ прожить дольше.

– Ваша правда, Роман Александрович, – согласился князь. – Но я не очень люблю углубляться в эти сферы, ибо Николай человек молодой, ему это быстро наскучит. Простите, я должен идти распорядиться насчет кое-каких дел, – сказал он и пошел дальше.

– Умнейший человек, ваш дядюшка, скажу вам откровенно, – сказал Роман Александрович. – На таких людях земля наша держится. Воистину – кабы не барский ум, да не мужичья простота, что б тогда было? Упадок и тлен. К тому же Павел Григорьевич гимнастик, знает все приемы телесного упражнения. Что в наших краях редкость.

– Да, он удивительно выглядит для своих лет, – согласился Николай. – Однако признаюсь – я лично считаю, что умирать надобно в молодые годы.

– В молодые годы? Почему так? – удивился его собеседник.

– Дабы уходить из жизни не обезображенными уродством старости, а красивыми, богоподобными, не цепляющимися трясущимися от старости руками за жалкий остаток жизни. Как и подобает настоящим дворянам и людям. Это мое твердое убеждение.

– Что ж, в ваших словах, граф, есть много правды, горькой правды, надобно сказать, – заметил Роман Александрович. – Однако что же делать нам, тем, кто уже не так молод? Не стреляться же, право, из-за этого?

– Упаси вас Бог! Это не достойно дворянского имени.

– Дворянское имя... знаете, мой юный друг, линия дворянского сословия имеет у нас столь необозримое протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется. Так что не всем приходится кичиться этим вот происхождением.

– Однако не одним происхождением дворянство сильно, но и честной жизнью.

– Признаюсь – приятно это слышать от вас, от человека молодого, – улыбнулся Роман Александрович. – Обычно молодость занята только мечтаниями о будущем, да любовью. Однако чаще всего молодые не в состоянии нести ответственность не только за любимых, но даже за самих себя. А у вас есть какая-нибудь сердечная привязанность, кто-нибудь покори́л ваше сердце?

– Признаюсь – нет еще.

– Думаю, что это все у вас еще впереди, – произнес собеседник Николая и повернул голову в ту сторону, откуда стал слышен приближающийся топот копыт.

На дороге к барскому дому видна стала скачущая галопом красивая молодая женщина в длинной амазонке и круглой серой шляпе, на гнедой лошади. В ней Николай узнал ту самую незнакомку, которую повстречал недавно в лесу.

– А! – воскликнул Роман Александрович, – Ольга Дмитриевна изволила наведаться – вот приятный сюрприз!

Между тем всадница подскакала к дому и легко спрыгнула на землю, не дождавшись какого-то гостя, который направился было к ней навстречу. Проворно подобрав подол своей амазонки, быстро вбежала она по ступеням и, оказавшись на террасе, весело воскликнула, обращаясь ко всем присутствующим:

– Вот и я, господа!

– Милости просим! – произнес князь Павел Григорьевич, подходя к гостье и целуя протянутую ему руку. – Вот неожиданно-то, вот мило!

Прибывшая гостья была так привлекательна, так свежа, что все мужчины, глядя на неё, крутили усы, прищуривали глаза, а некоторые, несмотря на всю благовоспитанность, даже невольно кричали. Стройная, грациозная, необыкновенно гибкая, с громадными искрящимися голубыми глазами, она была удивительно хороша собою. И трудно было понять,

глядя на нее — где кончалась природа, а где начиналось искусство — грань была неуловима. По виду ей не было и тридцати. Лицо она имела круглое, свежее, пушистые светло-русые волосы, острый, почти нахально вздернутый носик и веселые, несколько лукавые глаза. Насмешливость так и светилась в них, так и зажигалась в них искрами. Черты лица ее, чрезвычайно оживленные и подвижные, принимали иногда выражение почти забавное, в них проглядывал живой, веселый характер.

— Ах, какая прекрасная погода, господа, — произнесла она и засмеялась звонким и серебристым смехом.

— Позвольте представить вам Ольгу Дмитриевну Одинцову, — произнес Павел Григорьевич, обращаясь к собравшимся. — Впрочем, многие из нас уже счастливы знакомству с нашей прекрасной амазонкой.

— А говорят, в провинции нет ничего особенного... — сказал Роман Александрович, обращаясь к Николаю. — Как бы не так! Ольга Дмитриевна — отрадное исключение из общего правила. Жаль только, что мы нечасто имеем радость ее видеть. Она после кончины мужа почти безвыездно живет в деревне. Все в округе в нее влюблены. И не мудрено. Однако хотя она и одинока и не бескровная женщина, но решительно всем отказывает в замужестве. Впрочем, скажу честно: она не из таких женщин, с которыми бывает достаточно завести любовную интригу. Там, где с другими женщинами видим мы развязку нашей страсти, с ней это только начало

любви. Обычно женщины – это дорогие цветные камни, которыми приятно поиграть, иногда и носить их. А Ольга Дмитриевна это поистине огромный брильянт, им надобно обладать вечно и стараться, чтобы не вырвали у вас из рук этого брильянта, которому цены нет. Кстати, тут много достойных предметов обожания. Вы уже с кем-то из наших барышень познакомились?

– Как-то не успел еще, – признался Николай.

– Кстати, а вы писали когда-нибудь стихи? – неожиданно поинтересовался его собеседник.

– Кто же не писал стихов и не сотрудничал в ученических газетах?

– И то правда. М-да, если бы не мое положение, не семья и не годы – увлекся бы Ольгой Дмитриевной непременно. Так уж устроено, что многие господа в моих летах вдруг обнаруживают тягу к шалостям и любовную активность. Так как вам она? Только честно.

– Что ж, мила.

– Знаете, здесь много таких ангелочков-девочек, которыми можно увлечься, на которых можно жениться и даже любить, но Ольга Дмитриевна – другое дело: эту надобно слушать и удивляться.

– Удивляться?

– Да, ибо редко кто при такой красоте бывает еще и умен. Какие лучи жизни, какие флюиды молодости исходят от этой женщины! И как хороша, как отделена от всего этого про-

винциального мирка, так молода, так естественна и проста в каждом своем движении. Хотите, я вас с нею познакомлю?

– Нет, что вы, не надо! – запротестовал Николай, смущенный этим предложением.

– Нет, нет, не спорьте, я вас познакомлю, – решительно заявил его собеседник и тут же выполнил свое намерение.

Он подошел к стоящей неподалеку гостье и произнес:

– Вот-с, рекомендую, Ольга Дмитриевна Одинцова и граф Николай Петрович Закревский. Прошу любить и жаловать.

Роман Александрович тут же отошел от них и незаметно для молодой дамы подмигнул смущенному Николаю.

Однако не успели Николай и Ольга сказать друг другу и нескольких ничего не значащих вежливых слов, как появился князь Павел Григорьевич Шиловский и произнес:

– Прошу всех к столу. Мужья и жены врозь – они и дома друг другу надоели.

Все расселись. Николай и Ольга оказались рядом. Николай смутился ее близостью, но старался не показывать вида. Вскоре Ольга наклонилась к нему и прошептала:

– Хотите знать, зачем князь так оригинально распорядился?

– Зачем же? – так же шепотом спросил Николай.

– А вы уроните салфетку.

– Уронить салфетку?

– Да.

– Для чего?

– Чтобы иметь повод нагнуться и увидеть под столом истинную причину этого.

Николай так и поступил. Он как бы случайно уронил салфетку, наклонился, чтобы подобрать ее, и увидел под столом переплетенные ноги, а также руки, лежащие на чужих коленях...

Смущенный, он вернулся в прежнее положение и переглянулся с Ольгой.

Оба они не выдержали и рассмеялись. Никто за столом, будучи занятый каждый своим делом, не обратил на их смех внимания.

Смех этот неожиданно снял напряжение и неловкость, до этого момента сковывающих Николая. Он вдруг неожиданно для самого себя стал раскрепощенным и естественным. А когда после пиршества затеяли танцы и объявили мазурку, он спросил у Ольги:

– Peut-être m'accorderiez-vous la prochaine danse (Может быть вы подарите мне следующий танец – франц.)?

– Вы приглашаете меня на мазурку? – посмотрела она на него чуть лукаво. – . – Merci, grand merci (Спасибо, большое спасибо – франц.).

И они танцевали мазурку вместе. И не только этот танец...

Наступил поздний вечер. Гости стали разъезжаться.

Ольга сердечно простилась с присутствующими, проворно сбежала по ступеням дома, легко взобралась на седло,

крикнула всем «Прощайте!» и, ударив лошадь хлыстиком по шее, поскакала по дороге от дома.

– И правду хороша, ничего не скажешь! – раздался рядом с Николаем голос дядюшки. – Да ты, братец, не скромничай. Я сам был молод, знаю каково оно. Вижу, вижу, ты в восторженном состоянии.

– Вам это кажется, – я тот, что и всегда, – заверил его Николай.

– Ты, случаем, не пленен ли Ольгой Дмитриевной? – поинтересовался старый князь.

– Неправда, вовсе я не пленен, – заверил его Николай.

– Неправда?.. – в голосе князя послышались насмешливо-веселые нотки. – Полно тебе, друг мой, я всё вижу. Но, однако, хочу предостеречь тебя от этой любви, – сказал он уже серьезным тоном.

– Почему же?

– В твои годы не мудрено по уши влюбиться. Но тебе сейчас об университете должно думать, а не об амурных делах. Не хочу, чтобы они тебя с толку сбили.

В этот вечер Николай никак не мог заснуть. Перед глазами его все время стояла Ольга, и от этого его вдруг охватило какое-то неясное сладкое волнение. Уснул он только под утро.

* * *

Так произошло знакомство Николая с Ольгой Дмитриев-

ной Одинцовой. С самого первого мгновения он очаровался ею, ее искренностью, умом и обаянием. Прежние мимолетные юношеские увлеченности ушли куда-то на задний план, а вместо них в душе появилось радостное предчувствие чего-то нового, незнакомого и необычайно приятного.

И однажды после очередного визита Ольги в дом тетушки он, в конце концов, осмелел настолько, что предложил ей:

– Ольга Дмитриевна, а не удрать ли нам? Знаете, по-английски, не прощаясь.

– Vous me troublez (Вы меня смутили! – франц.)!

– Чего же тут смущаться?

– Что вы, что вы, дорогой мой. Уйти не прощаясь... Худшего оскорбления для хозяев трудно придумать. Вовек нам не забудут. Прослышем невежами...

– Полноте, Ольга Дмитриевна, никто этого и не заметит. Тем более что... – он осекся, смутившись.

– Тем более что?..

Но Николай не ответил и протянул Ольге руку. Та улыбнулась, взяла его за руку, после чего они быстро покинули дом князей Шиловских.

Уже поздно вечером, едва он вернулся обратно в дом, тетушка поинтересовалась:

– Vous vous etes promenee, mon cher amie (Ты гулял, мой дорогой друг? – франц.)?

– Да, ma tante (моя тетушка – франц.), надобно гулять перед сном, особенно в такую погоду.

– O mon Dieu, mon Dieu... (О мой Бог. Мой Бог... – франц.) – вздохнула хозяйка дома. – Впрочем, ты уже взрослый. Однако, мой ангел, советую тебе не терять головы и не тратить все свое время на увеселения. Не забывай, для чего ты приехал сюда.

– Обещаю вам это, ma tante (моя тетушка – франц.)! – отозвался Николай и поцеловал ей руку.

– А еще обещай, что коли влюбишься в кого – мне расскажешь. Расскажешь как другу.

– Обещаю.

– Твердо?

– Как ни есть твердо.

Княгиня поцеловала Николая в лоб, потом вздохнула и произнесла:

– Каково-то это обещание исполнить?.. По себе знаю, что трудно... Особливо в молодые годы. Ладно, ступай почивать, Николаша, а то уже поздно.

– Слушаюсь и повинуюсь, – с едва заметной улыбкой произнес Николай и ушел к себе.

Княгиня посмотрела вслед уходящему Николаю и перекрестила его спину.

Появившаяся в сердце княгини тревога за племянника оказалась не случайной, ибо с этого самого дня Николай стал все чаще и чаще встречаться с Ольгой, потихоньку забросив начатую было подготовку к университету. Поначалу это были только прогулки по окрестностям, совершенно невин-

ные, без всякого налета любовных отношений, но чем дальше, тем больше обыкновенная дружба переходила в сердечную связь. Наконец настал день, когда Николай решил объясниться с Ольгой.

В этот день Николай появился в имение Ольги верхом, спешился, привязал повод лошади к ограде и вошел в поместье, в котором повсюду видны ему были признаки упадка и запустения. Но это прошло мимо его взгляда, ибо все его помыслы были сейчас только о том, что должно последовать далее.

Увидев горничную Ольги Наташу, он сказал ей:

– Скажи барыне, что я желаю повидать ее.

Та убежала. Николай остался один, охваченный сладким волнением. Упоительна была для него мысль о близком присутствии Ольги, радостна надежда на свидание с нею, к тому же тайна его увлеченностью Ольгой придавала всему происходящему еще большую сладость.

Вскоре на пороге дома появилась сама Ольга.

– Вы? – удивленно-взволнованно произнесла она.

– Вы не рады?

– Что вы, наоборот. У вас ко мне какое-нибудь дело?

– Я хотел бы сказать вам... однако, не угодно ли будет нам с вами избежать чужих ушей и глаз?

– Извольте, – согласилась Ольга.

– Не составите ли вы мне компанию в моей прогулке верхом?

– Что ж, извольте. Только вам придется подождать.

– Сколь угодно долго.

Ольга ушла в дом и вскоре вернулась одетая для верховой езды.

Некоторое время они ехали верхом молча.

– Вам у нас тут нравится, граф? – наконец прервала молчание Ольга.

– Весьма, тут очень мило.

– Да, тут и вправду хорошо. А уж простор-то, простор!.. Поля неоглядные, рожь волнуется, речка серебрится, зарницы играют. А в лесу прохладно, тенисто. А главное для вас – нет мундира на пуговицах, а вместо этого чудесная широкая блуза...

– Ваша правда, однако, мне кажется, что вам должно быть здесь скучно.

– Увы. Вообразите, приличных соседей нет решительно. Мы просто дичаем здесь. Вы не поверите, что за тоска... День за днем идет – один как другой, другой как третий. Все одно и то же. Оттого и люблю кататься на лошади. Это то из немногочисленных развлечений, которое я могу себе позволить. Отсталая я женщина – терпеть не могу железных дорог и этих глупых вагонов. Шум, грохот, народу полно. Ни поговорить, не полюбоваться как следует на природу. Едешь, куда тебя везут другие. А на лошади ты сама себе хозяйка. Куда хочешь – туда и скачешь.

– Я тоже люблю ездить верхом, – признался Николай.

– Вы такой славный, наверное, у вас прекрасные родители. Я даже уверена в этом.

– Ваша правда. Всем, что у меня есть, я обязан отцу и матушке, – сказал Николай. – У нас в семье никогда не было ссор и недомолвок. А отец с детства мне говорил: «Ничему словами не научишь, потому как слова это просто звуки и сотрясение воздуха. Научать надо только своим примером». И всегда этому следовал. И матушка так же. Я рос в любви и строгости. Любовь за хорошее и всегда к тому поощрение и доброе слово, а строгость – за дурное. Меня не за разбитую вазу или расквашенный нос, а за поистине дурное наказывали.

– Неужто вас, Nicolas (Николай – франц.), наказывали, неужто вы к дурному способны?

– И такое бывало. Я же не ангел. Но подлецом не стал и не стану. Матушка мне однажды сказала: «Никогда не сотворишь такое, чтобы все радовались, если ты умрешь, а сотворишь такое, чтобы все плакали». По этому наказу и живу. А еще она говорила мне так: «Никогда никого не порицай и ни над кем не насмехайся – потому как неизвестно, чтобы каждый из нас делал, если бы жил в этих обстоятельствах, в каких порицаемые нами люди родились и живут».

– Ваши родители наверняка гордятся вами.

– Гордятся мною? Чем же? Я еще ничего великого для такой гордости не свершил.

– Но обязательно свершите. Я почему-то в этом уверена.

– Не зарекаюсь, но к тому стремлюсь. Благо, что титул и денежные возможности есть. Но это не моя заслуга, а родителей. Мое дело – свое имя и имя родителей своих не посрамить. Другого дела не вижу.

– Да вы просто святой, ей-богу! – воскликнула Ольга.

– Да полноте! – возразил с чувством Николай. – Я просто стараюсь не быть низким. И не расточать попусту нажитое другими, потому как грех по ветру не тобой нажитое пустить.

– Конечно, нельзя расточать понапрасну то, что родители дали.

– Не только об этом мои помыслы.

– А о чем же еще? – поинтересовалась Ольга.

– О том, что у нас девять тысяч крепостных.

– Господи, да вы так богаты?!

– Богатство наше от чужих трудов. Все, что наша семья имеет – чужим трудом добывается. Да, имеем мы родовые наши именья, с которых мы получаем доход, но при этом не помышляем о том, какими путями он достигает нашего кармана... Что касается меня, так я сам только одну монету и заработал, ничего более.

– Монету? Как это?

– Был я как-то прошлым летом с друзьями на охоте. И подъехал ко мне местный помещик. И говорит: «Вижу, сударь, у вас ружье преотменное. Помогите мне лису истребить, что моих кур таскает». Я два дня ее караулил и под-

стрелил все-таки. А за это мне тот помещик подарил золотую монету. Вот она, – Николай достал медальон и раскрыл его, показав находящуюся там монету Ольге. – Я ей больше всего горжусь. Это мой первый заработок. Надеюсь, что не последний.

– Я в этом совершенно уверена, – проговорила Ольга. – Дайте я вас за всё поцелую.

С этими словами она поцеловала Николая в щеку, отчего тот покраснел.

– Не смущайтесь, граф, это сестринский поцелуй, – произнесла Ольга и улыбнулась.

После прогулки Николай проводил Ольгу до ее дома. Они спешили и пошли в сад, где в самом дальнем углу была видна изрядно обветшавшая беседка. Они зашли внутрь, Ольга села на скамью, Николай же остался стоять, глядя куда-то в сторону. Он заметно волновался. Волновалась и Ольга. Некоторое время они молчали.

– Я вижу, вы хотите поговорить со мной... – произнесла Ольга, прерывая молчание. – О чем же?

– Я понимаю вас, Ольга Дмитриевна, – произнес, наконец, Николай, – Поверьте, я умею ценить ваше расположение... Я... я... Вы не рассердитесь?

– Нет, обещаю вам... Так что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать... что вы мне нравитесь... чрезвычайно нравитесь... – признался Николай.

– Что ж, я очень вам благодарна, – отозвалась его себе-

седница. – Однако прежде, чем вы скажете что-нибудь еще, я бы хотела предупредить вас...

– Ваше сердце принадлежит другому?

– Не в этом дело.

– А в чем же тогда? Откройтесь мне. Поверьте, я благородный человек и не посмею ничего такого, что было бы...

– Николай осекся.

– Я очень верю вам, Nicolas (Николай – франц.), очень верю... особенно вашему благородству... но есть обстоятельства...

– Какие же это обстоятельства?

– Во-первых, я бедна...

– Это не имеет для меня значения!

– А для меня имеет. Я не хочу воспользоваться вашим расположением, чтобы поправить свои дела. К тому же есть и другое обстоятельство.

– Какое же?

– Я много старше вас.

– Это тоже ничего не значит для меня. Вы умнее, опытнее всех этих юных барышень с пустяками в голове. Это меня вполне устраивает. И ничуть не смущает.

– А меня, признаться, смущает. К тому же есть еще и мнение других... сомневаюсь, что остальные будут в восторге от... – собеседница Николая замолкла.

– Я, уважаемая Ольга Дмитриевна, во всем похожу на отца: он тоже не спрашивал у других, что ему делать. Поэтому

и я не стану так поступать.

– Мы рискуем всем, вы понимаете это, Nicolas (Николай – франц.)?

– Что ж... aimer c'est avant tout prendre un risque (любить, это, прежде всего, рисковать – франц.).

– Но я не могу, не имею права ломать вам жизнь.

– Вы? Вы можете сломать мне жизнь?! – воскликнул Николай. – Но это решительно невозможно! Меня не это волнует, а... извините меня, совсем другое.

– Что же?

– Позвольте мне узнать, что вы думаете обо мне, чувствуете ли какое-нибудь... расположение к моей особе?

– Николенька, дорогой... – Ольга в волнении поднялась со скамейки.

– Ольга, свет души моей, – также взволнованно произнес Николай. – Я... у меня... я вам должен что-то сказать...

– Говорите, – откликнулась Ольга, вся подавшись навстречу Николаю. – Говорите, у меня сейчас сердце разорвется!

– Я знаю, что все это не ново, я понимаю, что порыв мой может быть подвергнут остракизму, осмеян толпой как банальный, но толпа не может предложить взамен этому ничего другого, ничего кроме «русской хандры», разочарования, рефлексии и прочей чепухи в том же роде... и...

– И?

– Я люблю вас, вот такая приключилась со мной исто-

рия! – наконец произнес Николай с облегчением, словно бы сбросив с себя тяжелый груз.

– Так ты меня любишь, да?.. – ласково проговорила она.

Он стал целовать ее платье, плечи, руки, а она смеялась и радовалась, и готова была заплакать.

– Если б ты знал... если бы ты знал, – произнесла Ольга, и на глаза ее навернулись слезы. – Неужели ты все это говорил серьезно? – спросила она с грустной нежностью и осторожно поцеловала его в волосы.

– Ты думаешь, может быть, что это минутное чувство? – сказал он. – Но это не так, это совсем не так. И что за дело, если нам суждено жить друг для друга только минуту, но ведь только это и есть жизнь!

– Я так много хотела сказать тебе, Николенька, сердце мое, боже мой!.. – произнесла Ольга взволнованно. – Хотела сказать с самой нашей первой встречи там, в доме у твоей тетушки.

– Скажи мне, скажи! – воскликнул Николай и, обняв Ольгу за талию, посмотрел ей в глаза.

– Но как это сделать?! Как это сделать?! Ах, я, безумная! Что я делаю?! – Ольга замолкла, не в силах более продолжать.

– Ну, ну, скажи мне, скажи мне все! – воскликнул в великом волнении Николай.

– Когда я увидела тебя в первый раз... Господи! Как это глупо!

– Ты любишь меня?..

– Да... – еле слышно откликнулась Ольга, опустив голову.

Николай прижал ее голову к своей груди и сказал:

– Неужели это правда? Мне трудно поверить... Господи, как я счастлив... – с этими словами он встал перед ней на колени, припал к ее ногам и прижал губы к ее руке.

– Встаньте, граф, встаньте, – прошептала она.

И тут слезы побежали из его глаз.

Она подняла его с земли, села на скамейку и посадила его возле себя.

– Николаша, mon cher ami (мой дорогой друг – франц.), – сказала она, – полно тебе плакать, что с тобою? Ты сам видишь, что я равнодушна к тебе, так чего же ты плачешь? – щеки ее покраснели, грудь неровно волновалась.

– От счастья, – проговорил он и принялся осыпать поцелуями ее руки.

– Милый мой, – произнесла она, – я не понимаю, чем я тебе понравилась? Посмотри на меня ближе, ведь я совсем не хорошенькая... я не молода и уже не свежа как юные девы вокруг... за что же ты мог меня полюбить?

Она положила голову его на свою грудь, обхватила его стан своими руками.

– Боже мой, полно, полно тебе, – проговорила она и сама вдруг заплакала. – Бог милостив, все пройдет, все забудется... перестань же тосковать, побереги себя... ты ведь знаешь, что я не та, кто тебе нужен. Я стара для тебя, тебе нужна

юная, нежная, неиспорченная прошлым девушка, а не такая как я...

– О чем ты говоришь? – произнес он взволнованно. – Я не понимаю твоих слов!

– О том, что у нас с тобой слишком большая разница в годах.

– Это правда, у нас большая разница в годах, но что же из этого?! – воскликнул он. – Неужто это может быть преградой нашим сердцам? Они ведь не хотят думать об этом, они ведь жаждут соединиться!

Она наклонилась к нему, одной рукой обняла его шею, а другой стала играть его мягкими светло-русыми волосами.

– Послушай, *mon chéri ami* (мой дорогой друг – франц.), ты знаешь, как я симпатизирую тебе, – произнесла она с нежностью. – Бог знает, чем ты смог привязать меня к себе! Кажется, нет вещи, которой бы я для тебя не сделала, нет жертвы, которой бы не принесла тебе. Но теперь, раз, в первый раз в жизни, у меня есть к тебе просьба. Выполнишь ее?

– Не сомневайся! – заверил он ее.

– Оставь меня, ищи себе другую – лучше, чище, невиннее.

– Скажи, что и ты любишь меня, как и я – тебя... – взмолился он.

– Я не могу, я не должна любить тебя.

– Я не понимаю – почему. Впрочем, я сейчас вообще плохо соображаю, – признался Николай и посмотрел ей в глаза, отчего еще больше взволновался, сердце его забилося вос-

торгом. – Но я твердо знаю только одно – никто другой кроме тебя мне не нужен. Ни сейчас, ни после. Всё, всё в мире сейчас – это ты.

Ольга тяжело дышала, щеки ее горели. Белое платье так и ходило на ее груди, и в легкий вырез видно было, как быстро поднимаются и падают пленительные округлости ее тела. Каждое слово, каждый звук голоса молодого графа входил ей в душу, ответная любовь, глубокая, чистая, стремительно наполняла ее сердце. Она вспыхнула, поглядела в его серые, полные любви глаза, на его статную, красивую фигуру, от которой веяло силой и юностью, протянула без колебания ему навстречу руки и сказала: – Пойдем в дом, в мою комнату...

А потом, уже в ее комнате он, нежно обняв ее, целовал её, полный благоговения к ней, полный сознания предстоящего ему неслыханного блаженства. Сердце его дрожало от нежности и любви. Целуя ее голову, щеки, лицо, он вдруг увидел, что из глаз ее текут слезы. Это взволновало и растрогало его.

– Милая... не плачь... милая... – твердил он жалостно и мягко. – Что ты плачешь, что?

– Мне стыдно перед тобой. Ты такой чистый, добрый, и я стесняюсь говорить тебе об этом.

– О чем?

– Что я гадкая...

– Вздор, вздор! Какая же ты гадкая?! Ты ангел, нет, ты прекраснее всех ангелов в раю. Ты и есть мой рай.

– Но если ты будешь со мною, то ведь сколько обид, позо-

ра и страданий падет на тебя.

– Ну и пусть, пусть... если ты будешь рядом, если ты любишь меня – то мне ничего в жизни не страшно.

Она порывисто обняла его за шею и нежно привлекла его голову к себе на грудь. Она была без корсета, отчего он почувствовал податливую упругость ее тела и его теплый, опьяняющий его запах. Тут она вдруг быстро закинула руки ему за шею, томным, страстным и сильным движением вся прильнула к нему и, зашептала отрывисто, вся содрогаясь и тяжело дыша:

– Так не будем ничего бояться... Я хочу, хочу этого. Один раз... возьмем наше счастье... Милый, иди же ко мне, иди, иди...

Он увидел близко-близко около себя глаза Ольги, сиявшие безумным счастьем... и что-то потаенно-обрадованное мелькнуло в ее дивных бездонных и притягивающих его как водоворот глазах.

Он почувствовал упругую тяжесть ее груди и сжал ее в объятиях.

– Сумасшедший!.. – воскликнула она и повторила: – Сумасшедший! Иди, иди ко мне сюда... – проговорила она чуть слышно и, не выпуская его рук, опрокинулась назад, к раскрытой постели, увлекая его за собой...

И тут вдруг впервые настоящее взрослое желание поднялось в нем, и сладкая истома прошла по всему его телу. А в голове его пронеслась мысль: «А вдруг она вовсе отвергнет

меня, и выйдет глупо и скверно?..» Но желание было сильнее голоса рассудка и вскоре победило его, дав насладиться всецело чувством высокого, чистого восторга – быть вместе с любимой женщиной, которая, он чувствовал это всем своим существом, тоже любит его...

Рано утром, еще и солнце не поднялось над горизонтом, он, счастливый и полный восторга от первого в своей жизни сближения с женщиной, во всю прыть скакал обратно к тетушкиному дому.

Перед глазами у него все еще стояла смятая постель, спутанные волосы его возлюбленной, ее обнаженное роскошное тело...

Только было немного стыдно, когда поднявшиеся поутру по своим делам окрестные бабы провожали его глазами – ему казалось, что они все как одна догадываются, что с ним произошло и откуда он скачет...

А в это время Ольга стояла у открытого окна и смотрела в ту сторону, куда ускакал Николай. Она улыбалась, чувствуя, как тихое дыхание раннего утра мягко шевелит ее волосы.

Она смотрела прямо перед собою, но ровно ничего не видела. Лицо ее возлюбленного неотступно стояло перед нею. Она была охвачена новыми впечатлениями. Он показался ей необыкновенным, совсем не похожим на других знакомых мужчин. Такой умный, богатый, интересный, тонко чувствующий, образованный, юный человек, и вдруг она, обыкновенная и ничем не замечательная провинциальная женщи-

на, почему-то привлечшая его внимание. Как все это было странно, непривычно и необыкновенно!..

В княжеском доме все еще спали, но дверь на балкон была открыта и ступеньки крыльца мокры и блестящи. Прислуга, высоко подоткнув юбку и согнувшись, мыла пол и встретила Николая удивленным взглядом. Он поскорее прошел мимо нее и затворил дверь в свою комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.